

производства, особенно в части, касающейся права собственности и договоров, однако это не единственная и отнюдь не главная цель как этих институтов, так и права вообще. Следует, конечно, признать, что, на определенном этапе Новой и Новейшей истории право выступило в ряду инструментов колониальной политики, в определенном роде стало символом колонизации, тем не менее и это не отменяет значения права для мирного сосуществования, безопасности, развития человека и человечества в целом.

Постгуманистическое право, в котором человек рассматривается как пассивный потребитель и таким образом, становится товаром и вещью, а даже неживой природой может, напротив, рассматриваться как источник власти и как бы становится способным к действию лицом, что во многом сходно с архаичными правовыми формами и взглядами.

Лукавство ситуации состоит в том, что выгодоприобретатели в таком положении вещей главным образом это, конечно, манипуляторы, покупатели коммуникабельности любого рода вплоть до наивности экоактивистов всех мастей, в действительности — совершенно определенные физические и юридические лица, конвертирующие свои покупки в совершенно определенные и вполне материальные товары и услуги, имущество и предметы роскоши. Так, постгуманистическое право выстраивается в конечном счете на банальном обмане — *dolus*.

Коль скоро мы уже неоднократно вспоминали древность в связи с постгуманизмом, напомним в завершении: *dolus est machinatio, cum aliud dissimulat aliud agit* — «обман есть хитрость, ибо говорит одно, а делает другое».

Собко Руслан Васильевич,
кандидат философских наук,
доцент кафедры гуманитарных
и социально-экономических дисциплин
Приволжского филиала Российского
государственного университета правосудия

«Проблема вагонетки» в контексте юридических межпредметных исследований

На страницах «Юридической науки и практики: Вестника Нижегородской академии МВД России» уже не раз поднималась тема важности и даже необходимости всестороннего воспитания правосознания как у студентов юридических вузов, так и у всех сограждан, так или иначе связанных с государствообразующей деятельностью, начиная от государственного управления и заканчивая воспитанием и государственной идеологией¹. Если законодатель или исполнитель не понимает смысла законодательных инициатив, не видит тенденций их развития и запаздывает с изменением правоприменения в соответствии с новейшими тенденциями, в таком случае он действительно может быть с легкостью заменен на искусственный интеллект² или полицейский автоматический дрон³, безошибочный и более точный, чем человек, но лишенный возможности творить и оценивать изменения. Гражданин же, оказавшись перед лицом механизированного закона, очень скоро ощутит на себе правдивость положения, сформулированного еще Цицероном — «*Summum ius — summa iniuria*» (Верховенство права — верховенство бесправия (пер. авт.)).

¹ См: Париков О. В., Собко Р. В. Динамика цифрового образования и связанные с ним глобальные проблемы // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2020. № 1 (49). С. 226–229; Его же. Значимость философской и пути совершенствования логико-методологической подготовки специалистов правоохранительных органов Российской Федерации // Проблемы и перспективы подготовки квалифицированных специалистов для правоохранительных органов Российской Федерации: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции (Нижний Новгород, 25 октября 2018 г.). Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2018. С. 23–29; Собко Р. В. Гуманитарное образование в контексте постправды: проблемы и стратегии // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 1 (65). С. 241–243.

² See: Benyekhlef K., Zhu J. The judicial system and the work of judges and lawyers in the application of law and sanctions assisted by AI // Handbook of Artificial Intelligence at Work. Edward Elgar Publishing, 2024. P. 250–275.

³ See: Chen H. et al. A framework for the optimal deployment of police drones based on street-level crime risk // Applied Geography. 2024. Vol. 162. Pp. 103, 178.

Для иллюстрации нашего тезиса мы обратились к интерконтекстуальным исследованиям «проблемы вагонетки» (trolley problem). Сама концепция была сформулирована Филиппой Фут в 1967 году. Филиппа, а затем ее многочисленные последователи предлагают различным фокус-группам решить следующую морально-этическую дилемму: на трамвайных или железнодорожных путях, по которым следует состав, находится стрелка с возможностью изменения направления движения. На двух возможных направлениях пути находятся люди — один человек по одной ветке и пять по другой. Испытуемый (стрелочник) может перенаправить состав и погубить жизнь одного или пяти человек.

Несмотря на кажущуюся простоту эксперимента, он неожиданно превратился в удобный интеллектуальный и социологический инструмент, так как результат исследования меняется в зависимости от правовой или интеллектуальной культуры, социальных факторов и даже способа предъявления, что отличает *trolley problem* от похожих софизмов и силлогизмов¹.

Нужно отметить, что уже в самой постановке проблемы лежит психологическая манипуляция: участнику эксперимента предлагается выбор из двух плохих вариантов, результат которых — гибель человека. Те из испытуемых, кто понимал подобную манипуляцию, зачастую отказывались решать эту проблему вовсе. Тем не менее есть группа профессий, которые вынуждены решать подобную дилемму в силу специфики своей деятельности: юристы, врачи, военные, правители².

Первоначальный выбор, как кажется, очевиден — нужно или можно пожертвовать одним, чтобы спасти многих. Именно так поступает полицейский или судья, заключая под стражу одного для спокойствия остальной части сообщества, однако силлогизм можно усложнить, предположив, что на одной стороне ветки находится ученый, а на другой — пять преступников, или на одной стороне — взрослые, а на другой — ребенок, какой тогда сделать выбор?

Представители традиционной этики, в том числе и современные, предполагают, что спасти нужно наиболее ценных членов общества, и в первом случае вывод очевиден — спасти нужно правителя, воина, мудреца. Что же касается оппозиции «ребенок — взрослый», то традиционная точка зрения в том, что спасти нужно взрослого, так как у него больше шансов выжить (например во время голода или бедствия), а детей можно родить и новых. Интересно, что такой выбор (в пользу сохранения жизни взрослым или почтенным членам общества), в том числе и в реальных автомобильных авариях чаще встречается в китайско-тихоокеанском регионе, в том числе в настоящее время³.

Оппозиция «один менее важен, чем многие» характерна для родоплеменных сообществ с одной оговоркой: один более важен, чем многие, если «один» — наш, а «многие» — чужаки, что особенно хорошо видно на примере правосознания диаспор, где спасти «своего» преступника можно и даже нужно, а публично осудить или даже отречься от него (например от террористов в Крокусе) — дело немислимое и несправедливое. Хороший пример положительной динамики от родоплеменного правового сознания к общегосударственному — высказывания главы Чеченской Республики Р. А. Кадырова с осуждением «шайтанов» несмотря на возможную с ними религиозную или этническую общность⁴.

Стоит отметить, что в этом смысле США с их официальной государственной и юридической позицией против решений Международного уголовного суда, открытыми и публичными казнями неугодных им лидеров по всему миру, нарочитой защитой граждан США с использованием вооруженных сил более консервативны (традиционны), а Российская Федерация со спокойной, уравновешенной позицией, основанной на принципах международного права, более цивилизована, хотя и выглядит более слабой с точки зрения носителей менталитета традиционных сообществ⁵.

¹ See: Ethical Decision-Making in Older Drivers During Critical Driving Situations: An Online Experiment / A. Singh, S. Yehoodik, Y. Murzello, S. Petkac, Y. Yamani and S. Samuel // *Journal of Intelligent and Connected Vehicles*, 2024, vol. 7, no. 1, pp. 30–37. DOI: 10.26599/JICV.2023.9210031.

² О троллеологии см. подробное исследование: See: B. Gawronski, & Ng, N. L. (2024). Beyond Trolleyology: The CNI Model of Moral-Dilemma Responses. *Personality and Social Psychology Review*, 0(0). DOI: org/10.1177/10888683241234114.

³ See: Wang C. What's the Matter with "Trolley Problems" in China? "Catching Up" with the West Hampers Genuine Cultural Research // *China, Engineering, and Ethics: A Sketch of the Landscape*. 2024. P. 101–109.

⁴ See: Blaydes L. The Politics of Legal Pluralism in a Muslim Society // *Nationalities Papers*. 2024. P. 1–3.

⁵ See: Wheeler C. H. Strange Bedfellows: The Relationship Between the International Criminal Court and the United States // *Wake Forest JL & Pol'y*. 2024. Vol. 14. P. 35.

Проблема верховенства закона решается радикальным образом в традиционных религиозных сообществах (по крайней мере в авраамических). Бог как верховный законодатель и судья неизмеримо выше не только судьбы одного человека, но и всего человечества, а его божественный закон имеет абсолютный приоритет. Это позволяет сказать, что жизнь одного праведника больше жизни всех грешников, из чего возникает концепция всемирного потопа об избранных Ноем и погибшим допотопным человечеством или концепция вечных мук в аду с небольшой группой «малое стадо», спасшихся в рай, и большей частью претерпевающих мучения¹.

Если в российском правовом дискурсе подобная (традиционно религиозная) правовая позиция выразилась через резонансное и специфическое высказывание В. В. Путина², то в западной культуре концепция «общества праведников» вполне может выражаться через понятие золотого миллиарда (город на холме, европейский сад) или в концепции «меньшинства», чьи права всегда выше прав большинства³.

Божественная справедливость требует обязательного и безусловного наказания преступника, но все меняется, когда с наступлением эпохи Возрождения в центре Вселенной, а значит и правового сознания появляется человек: теперь именно он вновь — «мерило всех вещей» и все, что ему приносит удовольствие или пользу, объявляется легальным. Так, декриминализируются науки, искусство, кулинария, секс и даже занятия магией, если все это не связано с общественной опасностью. Правовое сознание уже не соглашается отдать высшую ценность — человека — на вечные муки и считает, что наказание должно быть временным и конечным: загробные муки теперь могут длиться столетия и даже тысячелетия, но все же заканчиваются очищением и помилованием, а заключенные после освобождения попадают в рай⁴.

По окончании эпохи Возрождения в Англии появляются первые исправительные учреждения и сама идея о том, что человека можно не только казнить или наказать, но и исправить. В определенном смысле современная традиция полного сложения сроков тюремного заключения англосаксонского права — наследие религиозно-юридического понятия чистилища и той идеи, что никакое преступление не должно оставаться не отомщенным.

«Проблему вагонетки» очень часто приходится решать медикам, например, в виде морального выбора времен эпидемии ковида — кому предоставить аппарат искусственного дыхания: пожилому человеку или молодому? Поступившему ранее пациенту с меньшими шансами на выживание или поступившему позже, но с большими шансами спасти ему жизнь?⁵ Может ли медик экстренно прооперировать сложного пациента с большой вероятностью неудачного лечения или же должен защитить себя с помощью системы медицинских протоколов и допусков и отказаться от операции, обезопасив себя и лечебное учреждение с помощью формальной стороны медицинского права?⁶

Похожая проблема решается внутри экологического дискурса в связи с промышленной или сельскохозяйственной деятельностью, например, при вырубке леса или разработке новых сельскохозяйственных угодий мы решаем, что благосостояние человеческого сообщества важнее, чем существование биологической системы с тысячами живых существ в их взаимосвязи⁷.

Изучаемую нами морально-этическую дилемму постоянно решают правители и военные: все люди рождаются равными, а равны ли в смысле ценности их жизни жители разных стран? Постколониальная европейско-американская цивилизация четко разделяет население земного шара на страны первого, второго и третьего мира, на «сад» и «джунгли», где жители Европы и Америки противопоставлены жителям других государств, а население Израиля более ценно, чем население Палестины.

¹ See: Spiegel J. S. Annihilation, everlasting torment, and divine justice // *International Journal of Philosophy and Theology*. 2015. Vol. 76. No. 3. Pp. 241–248.

² См.: Михайлов С. А. Новый мировой порядок – 2025 и роль Российской Федерации в его формировании // *Казачество*. 2023. № 70 (5). С. 163–171.

³ See: Gill E. R. *Comprehensive Pluralism, Liberalism, and Religious Liberty* // *Liberal Constitutionalism and its Contemporary Challenges*. Cham: Springer Nature Switzerland, 2024. Pp. 181–194.

⁴ See: Smith R., Malinowski B. *Crime and custom in savage society*. Routledge, 2018.

⁵ See: Stelios S., Konstantakis K. N., Michaelides P. G. The “Bystander at the Switch” Revisited? Ethical Implications of the Government Strategies Against COVID-19 // *Journal of Bioethical Inquiry*. 2024. С. 1–11.

⁶ See: *Acute Care Surgery: Navigating Recent Developments, Protocols and Challenges in the Comprehensive Management of Surgical Emergencies* / K. P. Moparthi et al. // *Cureus*. 2024. T. 16. № 1: 52269. DOI:10.7759/cureus.52269

⁷ See: *The ethics of cellular agriculture* / S. Zhu et al. // *Cellular Agriculture*. Academic Press, 2024. С. 437–454.

Политика этноцидов порождена устаревшим псевдорелигиозным правовым дискурсом этих стран, где вместе с Хамом осуждены все представители не белой расы, а из-за евангельских событий — все евреи. Такое правосознание в силу объективных исторических и культурных причин отсутствует в постсоветской России или у коммунистического Китая — здесь жители всех стран действительно равны — из-за чего вышеупомянутые постколониальные страны уходят из Африки, а Россия и Китай напротив все больше вовлечены в развитие этого региона¹.

Среди решений «проблемы вагонетки» есть еще два неочевидных — это лишить жизни всех и «плохих», и «хороших» или ничего не делать. В первом случае, такой ответ — закон должен быть одинаков для всех, а возможные жертвы — неизбежное зло, сопровождающее функционирование любой системы, характерен для стран с высокой правовой культурой и развитым принципом верховенства закона и государства, выраженных прежде всего в виде философии макиавеллизма.

Так, например Иван Грозный (ок. 8 тысяч казненных за весь период правления) — жестокий тиран, а его современница Елизавета I (89 тысяч казненных) — одна из величайших английских монархов. Причем жертвы политики Ивана Грозного или Иосифа Сталина — это лично их жертвы, а число казненных при том или ином европейском правителе — обезличенные статистические данные, что неплохо демонстрирует влияние разработанной философии права на общественно-политический дискурс².

Второе неочевидное решение «проблемы вагонетки» — ничего не делать, то есть применительно к мысленному эксперименту вообще не трогать рычаг перевода путей, оставив все на волю божественного случая (кармы). Подобный ответ, причем практический, — предпринимать ли что-либо во время автомобильной аварии или другой катастрофы — чаще всего дают представители философии буддизма или индуизма, где подобная тактика уже несколько тысячелетий известна как ахимса, или недеяние. Тактика недеяния позволяет не брать на себя ответственность за последствия своего поступка и тем более за чужую судьбу: в этой традиции жизнь спасенного часто принадлежала спасителю, но он теперь был обязан взять на себя карму этого человека, то есть последствия и хороших, и дурных поступков³.

«Проблему вагонетки», причем с практической точки зрения, решает искусственный интеллект (AI) современных беспилотных транспортных средств: в проведенном эксперименте на дороге находится бетонный блок, при столкновении с которым водитель беспилотного автомобиля скорее всего погибнет, если же уклониться от столкновения, то погибают несколько человек, которые в это время вышли на проезжую часть. С одной стороны, один меньше, чем несколько, но, с другой стороны, кто же станет приобретать беспилотный автомобиль, который в экстренном случае постарается спасти жизнь не владельцу, а кому-нибудь другому. Однако, если авария уже произошла, то кто виноват, машина или ее владелец?

Чтобы избежать юридической ответственности, компании Tesla пришлось в ходе судебного заседания заявить, что «автопилот» всего лишь коммерческое название, а на самом деле это лишь «помощник» и в следующих обновлениях программного обеспечения управление перед моментом аварии передается человеку с тем, чтобы именно он решал изучаемую нами морально-этическую дилемму и нес за принятое решение как этическую, так и юридическую ответственность⁴.

В нашем небольшом исследовании мы на примере решения моральной дилеммы попытались показать, как изучение и развитие в общественном дискурсе философии права позволяет достигать понимания феноменологии социальных, политических и юридических процессов, а творческий потенциал заложенных в ней идей актуализируется в виде концепции многополярного мира или нормативно-правовой базы для искусственного интеллекта.

¹ См.: Париков О. В., Собко С. В. Метафизическое обоснование войны и европейско-американский расизм, неоколониализм // Гуманитарный вектор. 2023. Vol. 18. No 4. С. 20–30. DOI 10.21209/1996-7853-2023-18-4-20-30.

² See: Yoran H. Machiavelli's Critique of Humanism and the Ambivalences of Modernity // History of Political Thought. 2010. Т. 31. №. 2. С. 247–282.

³ See: Kool V. K. et al. The Psychology of Nonviolence: Models and Their Validation // Gandhi and the Psychology of Nonviolence. Vol. 1: Scientific Roots and Development. 2020. С. 195–263.

⁴ See: Wansley M. T. Regulating Driving Automation Safety // Emory Law Journal. 2024. Vol. 73. No. 3. С. 505.